

© 1991 г.

С. В. Соколовский

ПОПУЛЯЦИОННАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

(К дискуссии по статье Н. А. Дубовой
«Антропологические аспекты урбанизации»)*

В статье Н. А. Дубовой «Антропологические аспекты урбанизации» поднимается, на мой взгляд, весьма важная и испытывающая явный дефицит внимания тема. Автор статьи отдает себе отчет в том, что тема слишком сложна и многоаспектна и потому может быть рассмотрена «лишь в общей форме» (с. 83), а основное внимание сосредоточивает на рассмотрении трех ее аспектов: так называемой урбодемографии (с. 78—79), экологической антропологии (с. 79—81) и популяционной структуре городского населения (с. 81—85). Избранный «масштаб» определяет жанр изложения — панорамный обзор современного состояния многих наук, так или иначе связанных с изучением городского населения и содержащих важные обобщения и наблюдения относительно биологии урбопопуляций. Н. А. Дубовой удалось в этой панораме охарактеризовать спектр факторов, порождаемых или ассоциированных с городской средой и городской системой расселения, причем мимо ее внимания не прошли многие сюжеты, являющиеся своеобразными «центрами кристаллизации» нового знания, точками роста перспективных научных направлений, например структурная подразделенность урбопопуляций, брачная ассортативность по социопрофессиональным признакам, отличия мигрантов от населения мест выхода и др.

Вместе с тем выбираемые углы зрения и способы концептуализации иногда вызывают желание оспорить их; некоторые области научных исследований, располагающие важными для данной темы результатами, не упомянуты, а предлагаемые решения отдельных проблем представляются малообоснованными. Конечно, можно возразить, что статья не претендует на обзор, но относится к так называемым постановочным, или концептуальным, что отражено в ее подзаголовке, и лакуны здесь, следовательно, неизбежны. Однако у жанра концептуальной статьи есть собственные каноны, не обязывающие автора прибегать к обзору *библиографическому*, но, очевидно, принуждающие его обращаться к средствам обзора *концептуального*, ревизии всего созданного аппарата анализа рассматриваемого предмета, и здесь лакунарность воспринимается уже как недостаток. Однако обратимся к тексту статьи, чтобы конкретизировать эти замечания.

Профессиональные интересы привлекают меня к обсуждению темы популяционной структуры городского населения, поэтому в отношении других разделов статьи я ограничусь кратким замечанием о слишком, с моей точки зрения, общем характере обзора существующих здесь концепций. Например, при обсуждении такой специфичной характеристики городской среды, как качество воды, Н. А. Дубова вполне оправданно использует тезаурус коммунальной гигиены. Но уже при обсуждении следующего компонента, характеризующего данную

* См.: Советская этнография 1989, № 6.

экологическую нишу, — длительности светового дня — наработанные концептуализации никак не используются и весь аппарат хронобиологии и биоритмологии, как и литература, позволяющая проследить сложные связи между циркоритмами и предметом молекулярной антропологии, между хронорегуляцией, гомеостазом и возрастной изменчивостью антропологических признаков, остается за пределами рассмотрения. Словом, вместо рациональности на уровне здравого смысла в концептуальной статье хотелось бы обнаружить микротезаурусы, фиксирующие хотя бы в назывном порядке существующие и потенциальные направления научного поиска.

Интересующий меня раздел автор статьи открывает рассуждением о содержании понятия «популяция». Рассмотрев набор терминов, характеризующих различные иерархические уровни популяционной структуры и используемых в разных науках (в частности, в приведенном перечне содержатся дефиниции, восходящие к двум отчетливо различаемым парадигмам — эколого-географической, с ее акцентом на однородность среды, и генетической — с акцентом на изоляцию и уровень родства), Н. А. Дубова задает вопрос, какое из приведенных определений «подходит к городской популяции». На основании данных демографических исследований городского населения, в частности оценок интенсивности миграционных потоков, делается вывод, что на современном этапе развития урбанизации популяцией, т. е. такой группой населения, которая имеет относительную устойчивость в ряду поколений, правильнее считать население не одного какого-либо города, а агломерации (с. 83).

Мне представляется, что неточность исходной методологической установки предопределила неверный вывод автора. В предложенном наборе дефиниций популяции, несомненно, содержатся понятия, корректно приложимые к такой территориальной общности, как население города, например понятие «экологическая популяция», описывающее, как известно, население специфического экологического хабитата. Автор убедительно продемонстрировал специфичность городской среды (а ее дискретность и целостность самоочевидны) и указал, что население определенного города, если в его рамках нет выраженных градиентов средовых параметров, может рассматриваться как экологическая популяция. Однако антропологов, за исключением специалистов по экологической антропологии, мало интересуют экопопуляции. Антрополог опирается в своей работе на представление о локальной популяции как *генетической* системе, иными словами, он пользуется терминосистемой генетики и популяционной биологии, а не эколого-географической парадигмой. Его задача — определить границы реальной «скрещивающейся» (менделевской) популяции на основе критериев изоляции, панмиксии и устойчивости во времени и структурировать свою выборку в соответствии с реальной картиной популяционной подразделенности. Как антрополог, много работавший в поле, Н. А. Дубова хорошо знает эти критерии и, пользуясь «генетической парадигмой», не обнаруживает подходящей дефиниции в ряду приведенных, ориентируясь прежде всего на такой ключевой параметр локальной популяции, как изоляция, или (что по содержанию то же самое) «низкая интенсивность прибытий и убытий» и связанное с ней по импликации «тесное биологическое взаимодействие» внутри популяции. Обнаруживается, что по этим критериям население города¹ не является популяцией. Именно здесь, оставив в качестве операционального единственный критерий популяции — относительную изолированность генофонда в ряду поколений — Н. А. Дубова делает предположение о совпадении границ собственно популяции (т. е. популяции в генетическом смысле) с границами городской агломерации.

Между тем если бы при выдвижении этого предположения не были преданы забвению другие существенные признаки элементарной популяции, например панмиксия, вывод мог быть иным. Иным бы, я полагаю, он стал, если бы исходным пунктом рассуждения был не вопрос «Какое из определений подходит городской популяции?», но вопрос «Что представляет собой в популяционном

отношении население города?» или «Чем отличаются городские популяционные структуры от сельских?». Здесь я вплотную приблизился к пункту, когда вынужден оторваться от текста рассматриваемой статьи и изложить собственную точку зрения.

Использую в качестве отправного момента цитированное Н. А. Дубовой наблюдение демографов о том, что «интенсивность прибытий и убытий наиболее низка для городов, формирующих городские агломерации» (с. 82). Сопоставим это наблюдение с уровнем изоляции, требуемым теорией для того, чтобы «элементарная группа особей» обладала эволюционной судьбой, иначе, являлась популяцией в генетическом смысле термина. Этот уровень составляет в среднем 5% на поколение², что как минимум в сотни раз ниже интенсивности наблюдаемых миграционных потоков в любой агломерации. Трудности применения столь строго задаваемого термина к реальным сообществам хорошо известны³, но ключом к его операциональности является ясное осознание того обстоятельства, что современная концепция генетической популяции имеет такую характеристику, как *ретроспективность*. Определить ранг реальной совокупности, ответить на вопрос, является ли она популяцией, — значит располагать данными о прошлом этой совокупности, свидетельствующими о необходимой степени ее изолированности на протяжении времени, измеряемого поколениями. Теория, таким образом, не дает ключа для определения ранга актуальных и виртуальных (потенциальных) популяций. Иначе говоря, синхронный срез популяционной структуры не дает возможности утверждать о какой-либо панмиктической и связанной отношениями родства или фенотипическим сходством группе, что она является (или станет) популяцией. Однако именно такой срез с выделением границ панмиктических единиц позволяет антропологу или генетику практически решить проблему структурирования выборки. Более того, для выделения и измерения этих панмиктических сообществ они располагают не только апробированной теорией (аппаратом математической генетики), но и совокупностью процедур определения их границ.

Реализовать этот подход позволило отождествление В. В. Бунаком круга брачных связей с демом⁴ — операция, эвристический потенциал которой, на мой взгляд, практически не использован. Для выделения границ демов в сельской местности достаточно анализа географического распределения мест рождения супругов, поскольку сельский дем в результате анизотропности брачной миграции и преобладания миграций на небольшие расстояния пространственно компактен. В городах преобладают дислокальные браки, и расстояния между местами рождения супругов на порядок превышают диапазон сельской брачной миграции; доля браков между коренными жителями города обычно составляет лишь 5—10%. Однако «дислокальность» городских брачных структур не означает бесструктурности, панмиксии городского населения. Уже в 1930-х годах в рамках исследований социальной структуры и мобильности появились первые исследования влияния брачных предпочтений на структуру вероятностей вступления в брак (возрастная, социопрофессиональная, сословная, этническая и расовая гомогамия у городского населения), результаты которых свидетельствовали о существенных отклонениях от панмиксии. Одновременно исследование механизмов социализации обнаружило тесную связь между межпоколенным процессом воспроизводства городских субкультур и социолектов и тенденциями развития семейно-брачной структуры населения. Все это позволило говорить об особой роли социального пространства в структурировании популяций в городах и выделить ведущий фактор этого структурирования — социопрофессиональную принадлежность (происхождение) вступающих в брак. Эндогамные группы, выделяемые на матрицах брачных обменов типа «профессия жены — профессия мужа» либо «профессия мужа — профессия отца жены», представляют собой не только элементарные единицы демографического воспроизводства (демы), но и структурные единицы в воспроизводстве локаль-

ных форм культуры, что объясняет феномен наличия в рамках единой территориальной общности нескольких субкультур и социолектов.

Таким образом, городской дем предстает не только как территориальная общность, но и как материальный носитель локальной субкультуры и социолекта (социопрофессиональная и лингвокультурная общность), а население города — как совокупность демов. Выявление брачной подразделенности городского населения, следовательно, может производиться как на основе прямого анализа матриц брачных обменов, так и на основе атрибутивной классификации, в которой в качестве признаков будут использованы лингвистические и социокультурные маркеры (набор признаков социолекта, обнаруживаемых в социолингвистических исследованиях; маркеры субкультуры, выявляемые методами урбосоциологии и т. п.).

Примечания

¹ К сожалению, автору рассматриваемой статьи не удалось избежать нежелательной игры слов между нетерминологическим и терминологическим употреблением понятия «популяция»; наряду с терминами из экологии и генетики она использует его и как синоним «населения» — ср. «городская популяция» (с. 82);

² Яблоков А. В. Популяционная биология. М., 1987. С. 141.

³ Там же. С. 151—153.

⁴ Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С. 250—263.